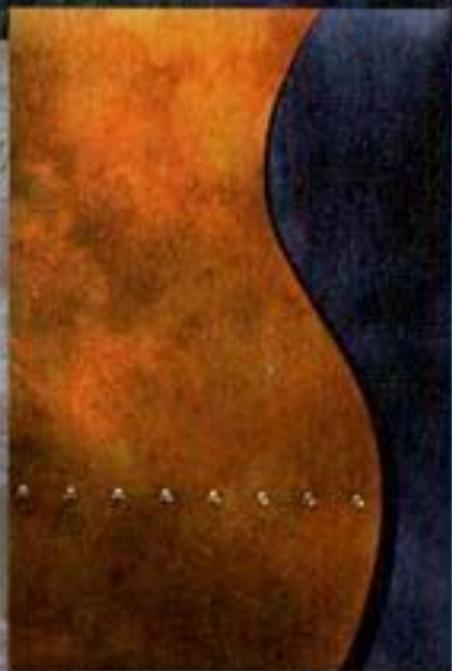

**ХУАНО
КОРТАСАР**

Сiesta вqбоем

Возьме тебе такое не приснится...

СТИЛЬ
НОВЫЙ

Хулио Кортасар

Прощай, Робинзон!

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157240

*Хулио Кортасар «Сиеста вдвоем», серия «Новый стиль»: КРИСТАЛЛ;
Санкт-Петербург; 2002*

Аннотация

«Сиеста вдвоем» – коллекция избранных произведений классика мировой литературы аргентинского писателя Хулио Кортасара (1914 – 1984). Кроме наиболее характерных для автора рассказов, в настоящем издании представлена его знаменитая пьеса «Прощай, Робинзон»

За исключением рассказов «Здоровье больных» и «Конец игры» все произведения печатаются в новых переводах, специально подготовленных для настоящего издания.

Все переводы, составившие книгу, выполнены Элой Владимировной Брагинской.

Содержание

Хулио Кортасар

Прощай, Робинзон

Радиопьеса

Диктор должен сказать несколько слов о романе: Даниэль Дефо / Александр Селькирк ¹ / Робинзон / Пятница

Лейтмотивом может быть «Solitude» Дюка Эллингтона ².

Шум самолета, идущего на посадку.

Робинзон (*взволнованно*). Смотри, смотри, Пятница! Остров! Мой остров!

Пятница. Да, хозяин. (*За словом «хозяин» следует неволь-*

¹ Александр Селькирк (1676 – 1721) – шотландский моряк, который в 1704 году, после ссоры с капитаном, был высажен на необитаемый остров Мас-а-Тиерра и прожил там до 1709 года. История А. Селькирка вдохновила Даниэля Дефо на создание книги «Робинзон Крузо».

² Эллингтон, Дюк (1899 – 1974) – американский негритянский композитор, пианист, руководитель оркестра. Один из любимых джазовых музыкантов Х. Кортасара. «Solitude» (Одиночество) – пьеса Эллингтона.

ный смешок, как бы вопреки желанию Пятницы удержаться от смеха.)

Робинзон. Видишь бухточку? Вон она, я ее узнал! Помнишь, на тот берег высадились каннибалы. Там я спас тебе жизнь, Пятница! Погляди!

Пятница. Да, хозяин (*Смешок*), отсюда очень хорошо виден берег, где меня чуть не съели эти жуткие каннибалы, но ведь незадолго до этого мое племя решило съесть их всех до единого. «Вот она – жизнь», как поется в знаменитом танго!

Робинзон. Мой остров, Пятница! Я снова вижу мой остров. И я узнал его, несмотря на такие перемены! Господи, как здесь все изменилось!

Пятница. О, да, хозяин... (*Смешок*) Что изменилось – то изменилось. Я тоже узнаю остров, где ты научил меня быть хорошим рабом. Отсюда видно то место, где стояла твоя хижина.

Робинзон. Боже! Какие небоскребы! В 24, нет, подожди, в 32 этажа! Ну просто чудеса, Пятница!

Пятница. Да, хозяин. (*Смешок*.)

Робинзон. Скажи мне, почему ты хихикаешь, когда говоришь со мной? Раньше ничего подобного не было, да я бы и не допустил. Откуда это взялось? Хотелось бы знать, что смешного в том, что я – твой хозяин? Кто спас тебя от чудовищной смерти? Кто сделал из тебя цивилизованного человека!

Пятница. И правда, ничего нет смешного, хозяин. (*Сме-*

шок) Сам не могу понять, что за напасть, поверьте. Я консультировался с двумя психоаналитиками, чтобы удвоить шанс, как мы делаем на скачках: один – фрейдист, а другой – последователь Юнга. А помимо этого был на приеме у одной знаменитости... этот врач вообще против методов психиатрии. Кстати, только он один и поверил, что я – тот самый Пятница из твоей книги.

Робинзон. И какой поставил диагноз?

Пятница. Данные обследования пока что обрабатываются на компьютере в Далласе. Но Жак Лакан ³ склонен считать, что это – нервный тик.

Робинзон. Ну ладно, если всего лишь нервный тик, то с этим можно справиться. Пройдет со временем. Смотри, мы уже садимся. А какой построили аэропорт! Какие взлетные полосы и там и там! А кругом – тоже города... А там, вроде, нефтяные скважины! Почти нет ни лесов, ни лугов, где я бродил в полном одиночестве, а уж потом вместе с тобой. Ты только взгляни на эти небоскребы, на это скопище яхт в бухте! Кто теперь может представить, что такое одиночество на острове Хуан Фернандес? Ах, Пятница, не зря еще Софокл, да, вроде бы, Софокл сказал, что человек – существо поразительное!

Пятница. Ну да, хозяин. (*Смешок.*)

Робинзон (*самому себе*). По правде говоря, меня уже начинает злить это дурацкое хихиканье.

³ Жак Лакан (1901 – 1981) – известный французский врач-психоаналитик.

Пятница. А я вот никак не возьму в толк, хозяин, с чего тебе вдруг вздумалось вернуться на остров. Тому, кто прочел твою книгу с должным вниманием, совершенно ясно, как ты здесь маялся. Ведь когда нас наконец вызволили отсюда, ты чуть с ума не сошел от радости. А когда мы отходили от берегов этого острова, ты, если б не твоя воспитанность, с превеликим удовольствием показал бы ему свой голый зад.

Робинзон. Ах, Пятница, как мы ни старались дать вам, индейцам, образование в лучших университетах, есть вещи, которые вы не в состоянии понять. Тебе, бедняга, хоть тресни, не дано осмыслить чудо технического прогресса. Я бы даже сказал, что теперешний вид нашего острова то ли разочаровывает тебя, то ли настораживает. Я читаю, прочел по твоим глазам.

Пятница. Нет, хозяин. *(На этот раз без смешка.)* Я-то заранее знал, с чем мы столкнемся. Ну для чего, спрашивается, у нас телевидение, кино, «National Geographic Magazine»? Не знаю, не могу объяснить, почему мне и тревожно и грустно, но, пожалуй, из-за тебя, прости.

Робинзон *(со смехом)*. Из-за меня? Да ты что! Перед тобой самый счастливый человек на свете! Посмотри-ка на меня внимательнее, а потом посмотри, какое чудо там, внизу...

Пятница. Хм.

Робинзон. Чего мне еще хотеть от жизни? Ведь я воочию увидел воплощение моих мечтаний о прогрессе, о процессе цивилизации. Да не только – моих, а всех белых людей... ну,

для скромности скажем – всех британцев.

Пятница. Да, хозяин (*смешок*). Однако, ты пока еще в самолете. И, прости, радуешься раньше времени, это я чую носом.

Робинзон. Носом? О, Пятница, после такого воспитания, после всего, чему тебя учили!

Пятница. Разумеется, учили, хозяин. (*Смешок.*) Только мне не понять, почему самолет кружит и кружит над островом?

Робинзон. Как я полагаю, летчик делает это в мою честь, дорогой Пятница, он, видимо, хочет, чтобы я разглядел с высоты все, что можно на дорогом моему сердцу острове, который сегодня – воистину рай на земле в самом современном смысле слова. Вот теперь мы уже садимся. Доставай наши вещи, Пятница. А когда будешь забирать багаж, пересчитай все – пять моих чемоданов и твой рюкзак. Шесть мест.

Шум приземляющегося самолета, шаги пассажиров, идущих по длинным коридорам, и т. д.

Громкоговоритель. Пассажиры, следующие в Буэнос-Айрес, Кито, Сантьяго и Панаму, проходят по коридору с зелеными указателями. Пассажиры, летящие в Хьюстон и в Сан-Франциско, следуют по коридору с синими стрелками. Пассажиры, прибывшие на Хуан-Фернандес, пройдите по коридору с желтыми стрелками. Благодарю за внимание.

Робинзон. Вот видишь, Пятница! Идеальный порядок во всем. Прежде в аэропортах было столько путаницы и я очень

хорошо помню, как...

Громкоговоритель. Внимание пассажирам, вылетающим в Буэнос-Айрес. В конце коридора с зелеными указателями, вам необходимо разбиться на две группы. Дамам – следует пройти налево, мужчинам – направо. Несовершеннолетние могут остаться с отцом или с матерью по усмотрению родителей. Просим, чтобы дамы вошли в зал с буквой «Д». Мужчины – в зал с буквой «М». Внимание пассажирам, летящим в Кито, пройдите до конца коридора...

Робинзон. Ну просто чудо! Ты видишь, Пятница, здесь исключена возможность малейшей ошибки!

Пятница. Мне вполне бы хватило твоих указаний, хозяин. *(Смешок)*

Робинзон. Знаешь, этот твой тик... Да ладно, вот он зал, куда нас приглашают, полагаю, что представители властей будут встречать меня на высшем уровне.

Громкоговоритель. Внимание, пассажиры, прибывшие на Хуан-Фернандес, пройдите к окошкам полицейского и таможенного контроля под номерами от одного до десяти в соответствии с начальной буквой вашей фамилии. Сеньора Робинзона Крузо просят подойти к двери с надписью «Официальные лица».

Робинзон. А-а! Ну прекрасно, прекрасно! Сейчас, Пятница, ты увидишь, как...

Служащая. Сеньор Крузо? Очень приятно. Прошу вас сюда.

Робинзон. Я приехал с моим...

Служащая. Ваш секретарь подойдет к окошку с буквой «П». Проходите, пожалуйста.

Робинзон. Но дело в том, что мы...

Пятница. Не беспокойся, хозяин (*смешок*), мы непременно с тобой увидимся. А я займусь багажом.

Служащая. Сеньор Крузо, я пригласила вас сюда, потому что правительство Хуан-Фернандеса хотело бы оградить вас от каких-либо осложнений во время вашего пребывания на острове.

Робинзон. Осложнений? Я ожидал, что...

Служащая. Мы получили информацию о вашем приезде и сделаем все возможное, чтобы вы остались довольны пребыванием на острове. Надеюсь, вам известно, что хотя отношения с вашей страной не разорваны, ситуация по-прежнему достаточно обостренная, вот почему мое правительство приносит вам свои извинения и сожалеет, что не могло организовать вам торжественную встречу. Однако мы по мере возможности будем оказывать вам содействие во всех ваших желаниях. Но нам бы хотелось, чтобы вы сторонились...

Робинзон. Сторонился?

Служащая. Ненужных контактов, я имею в виду публику, людей на улице, в кафе...

Робинзон. Но я...

Служащая. Отсюда вас отвезут прямо в отель, где администратору уже даны указания предоставить вам самый изо-

лированный номер, чтобы никто не мешал вашему отдыху. У вас даже будет отдельный лифт. Вы же знаете, что у правительства всегда есть возможности создать особые условия для почетных гостей и избавить их от ненужных контактов.

Робинзон (*бормоча*). Ненужных...

Служащая. Если вы пожелаете пойти в оперу, администратор позаботится о билетах, так же будет, если вы надумаете посетить какой-нибудь музей. Что касается внутренних районов страны, боюсь, что при нынешних обстоятельствах поездки за пределы столицы будут невозможны. Должна обратить ваше внимание на то, что в настоящий момент у нас весьма ощутимы антибританские настроения.

Робинзон. Но я считал, что остров Хуан-Фернандес...

Служащая. О-о! Речь не только о недружелюбном отношении к вашей стране, речь о том, что народ настроен против всего на свете.

Робинзон (*задумчиво*). Стало быть, люди настроены и против своего правительства. (*Долгая пауза.*) Простите меня, сеньора, если я допустил бестактность, но ваши слова так озадачили меня, что...

Служащая. Хуан-Фернандес – отнюдь не колония, сеньор Крузо, и мы ни перед кем не держим отчет по поводу здешних умонастроений. Разумеется, мы не могли отказать вам в визите, поскольку вы когда-то проживали на острове Хуан-Фернандес, и благодаря вам остров обрел всемирную известность, но, надеюсь, и вам будет полезно узнать, что мы

уже давно не даем разрешение на въезд иностранным гражданам. Для вас мы, конечно, сделали исключение! И я надеюсь, что вы, как почетный гость нашего острова, отнесетесь с пониманием к тому, что мы возьмем вас под свое покровительство.

Робинзон (*как бы самому себе*). Да, конечно, но я приехал, чтобы...

Служащая (*почти сухо*). В конце концов, у вас было очень мало возможностей для контактов в тот раз, когда вы попали сюда впервые. Вам достаточно освежить кое-что в памяти и тогда все будет хорошо. (*Голос ее теплеет.*) Я понимаю, мои слова вас мало радуют, сеньор Крузо, но поверьте, будь у меня хоть малейшая возможность что-то изменить в данной ситуации, я бы это сделала.

Робинзон. Хоть малейшая возможность? О, прошу вас, мне бы так хотелось поговорить с вами, получше узнать вас... Я с трудом воспринимаю всю эту ситуацию... Не знаю, не знаю, но чутье подсказывает, что вы понимаете меня. И за пределами ваших официальных обязанностей...

Служащая. Да! Конечно, я вас понимаю. И если представится случай, я с удовольствием встречусь с вами еще и мы поговорим. Меня зовут – Нора. Мой муж – заместитель начальника полиции.

Робинзон. А-а!

Служащая. Само собой, я читала вашу книгу. У нас ее читают все до единого. И порой я задаюсь вопросом – почему?

Ведь теперь Хуан-Фернандес совсем другой остров!... Пожалуй что...

Робинзон. Пожалуй что... не такая уж разница?

Служащая (*официальным тоном*). Оставим этот разговор до другого раза, сеньор Крузо. Вот перед вами сеньор, который уже давно готов проводить вас в зал выдачи багажа, где вас заждался ваш... секретарь. Всего доброго. Желаю вам приятно провести время на острове Хуан-Фернандес.

Робинзон (*самому себе*). Пожалуй что... не такая уж разница? Или может... Но нет, не может!... Такой небоскреб, где прежде была моя хижина, такие замечательные дороги... А эти яхты в заливе – с ума сойти!

Служащая. Будьте любезны, сеньор Крузо, пожалуйста сюда...

Шум в коридоре, голоса из репродукторов, передающие сообщения.

Робинзон. Пятница!

Пятница. Ну вот, хозяин (*смешок*), зря тревожился. Твои чемоданы давно в машине и Банан нас ждет.

Робинзон. Что еще за Банан?

Пятница. Его так зовут, что тут скажешь. Это наш шофер и мы уже успели стать друзьями.

Робинзон (*с любопытством*). Друзьями? С этим Бананом?

Пятница. Ну да! Я, собственно, не представляю никакого интереса для официальных лиц. А мью Бананом, как вы-

яснилось, из одного племени. У нас у обоих длинные большие пальцы и своих мы всегда признавали по этим большим пальцам на руках. Пошли, хозяин, вот сюда, пожалуйста...

Уличный шум, оживленные голоса людей, машины, громкая тупляющая музыка из репродукторов, которую то и дело перебивают дурацкие тексты коммерческой рекламы.

Пятница. Хозяин, можешь говорить все, что тебе вздумается: Банан не понимает язык Шекспира... Похоже, что ты чем-то огорчен, хозяин?

Робинзон. Нет, не огорчен, а... Ты только посмотри какой проспект!

Пятница. Да, – достаточно широкий. Ты прав.

Робинзон. А какие замечательные здания! И на улицах столько людей, Пятница, людей!

Пятница. А что тут такого особенного? Можно подумать, что ты покинул Лондон лет двадцать назад. Такой же город, как все остальные, Банан мне уже рассказал, что здесь к чему... Если вечером я тебе не нужен, то он зайдет за мной и мы поедем куда-нибудь – развлечемся. Он говорит, что женщины тут обожают длинные большие пальцы, вот и поглядим!

Робинзон. Пятница, я тебе дал такое воспитание! Это недопустимо, чтобы джентльмен... А впрочем, может твой Банан возьмет нас обоих, как ты считаешь?

Пятница. *(Грустно.)* Нет, хозяин, не думаю. Банан говорил со мной откровенно. Но ведь он на службе, и должен де-

лать, что приказано.

Робинзон. Как Нора... как администратор отеля... нет, посмотри, какая улочка, сколько тут магазинчиков, а какие яркие платья на девушках и как освещены витрины в дневной час!...

Пятница. Точно так же – в Лас Вегасе, в Сингапуре, или в Сан-Паулу, хозяин. Ничем не отличается от Нью-Йорка, разве что рынки или девушки не такие, как везде...

Робинзон (*про себя*). А что мне делать одному в отеле?

Банан. (*Произносит какую-то длинную фразу на непонятном языке, обращаясь к Пятнице, который, рассмеявшись, отвечает на том же языке.*)

Пятница. Бедняга, оказывается, все понимает, а я-то думал, что он не знает английского... О, англичане ловко все устроили, хозяин, по-английски говорят даже тюлени в Арктике.

Робинзон. А что он тебе сказал?

Пятница. Он ответил на твой вопрос об отеле. Ты найдешь у себя в номере программу твоего пребывания на острове, с расписанием и всем остальным. А тебя будут только увозить и привозить. Словом, музеи и все такое...

Робинзон (*с ярости*). К чертям собачьим все эти музеи! Я хочу лично...

Пятница. Мы уже приехали, хозяин, выходи с этой стороны (*Он со смехом что-то сказал Банану, который хохочет и что-то говорит в ответ*).

Приглушенный шум большого отеля. Бархатный женский голос в репродукторе просит подойти одного из гостей к администратору. Тихая музыка.

Робинзон. Побудь со мной немного, Пятница. Знаешь, мы закажем виски и выпьем вместе. Надеюсь, у тебя тоже хорошая комната, как и моя? Да?

Пятница. Что ты, хозяин! У меня маленькая комната для прислуги, а окно выходит на вентиляционную шахту.

Робинзон. Безобразие! Я буду протестовать, сейчас же позвоню администратору и...

Пятница. Нет, хозяин, не стоит. Зачем мне хорошая комната? Я останусь в той, какую дали. Да и есть кое-какие преимущества, мне подсказал это Банан. Оказывается, я могу попасть в нее по служебной лестнице, и если ночью приду не один, никто не заметит.

Робинзон. А как же я, Пятница? Их программ-ма – сплошная скука. В нее затолкали что ни по-пада, да и на что она мне сдалась! Получается, что у меня не будет ни минуты свободного времени-спасибо, что отвели часы на сон! Хоть бы по крайней мере... Словом, ты меня понимаешь, дело не в том, что мне нужны эти...

Пятница. Я-то понимаю, хозяин, еще бы не понимать. Знаешь, если ты не обидишься, вернее, если они согласятся, я зайду за тобой вечером и уступлю тебе мое место, а может, мы там оба устроимся...

Робинзон. Да как ты смеешь?

Пятница (*со смешком*). Прости меня, хозяин.

Телефонный звонок

Робинзон. Да, Крузо. / Да, да, я узнал вас! / Через полчаса? / Да, конечно, я вас буду ждать внизу. / А-а, другой сотрудник? / Понимаю, понимаю, Нора, однако... / Да, могу предположить. Значит, в другой раз. / Да, я тоже очень надеюсь. / Благодарю.

Пятница. Ты чем-то расстроен, хозяин?

Робинзон. Да не лезь ты с расспросами. Я и не думаю расстраиваться. (*Пауза.*) Но если честно, я несколько разочарован. И прости меня за невольную грубость.

Пятница. А ты можешь мне сказать, кто эта Нора, хозяин?

Робинзон. Я с ней едва знаком. Она меня встречала в аэропорту. Она сказала, что сейчас за мной заедут. Ну я подумал, что она... Словом, меня потащат в Музей антропологии.

Пятница. А почему ты не попросил ее поехать с тобой, хозяин?

Робинзон. Потому что она ясно сказала, что приедет главный хранитель музея. Может, завтра... Да, быть может, завтра она сумеет... (*Повторяет эти слова себе самому.*)

(*Пауза. Приглушенные звуки лейтмотива.*)

Пятница. Ну ладно, если я тебе больше не нужен...

Робинзон. Ты встречаешься с Бананом?

Пятница (*с радостным смехом*). Как ты догадался, хозяин?

Дверь закрывается. Тишина. Еле уловимый лейтмотив. Резкие шаги. Слышно, как набирают номер телефона.

Робинзон. Администратора, пожалуйста. (*Короткая пауза.*) Да, Крузо. / Я ознакомился с программой. / Безусловно, замечательная. / Но мне бы хотелось, чтобы в программу включили некоторые вещи, да... / Вот, к примеру, я бы желал видеть тот небоскреб, который построили на том месте, где стояла моя хижина. / Разумеется, если можно, согласуйте это сейчас же. / Уже ждут?! Я тотчас спущусь.

Лейтмотив. Слышны вперемежку заученные фразы гидов, которые рассказывают о достопримечательностях острова, слова благодарности Робинзона, следом врывается громкая и пронзительная народная музыка, чьи-то веселые голоса, затем голос и смех Пятницы и Банана на уличном празднике, звон стаканов, громкие поцелуи, женский смех и пение. Нарастают звуки грустного лейтмотива, протокольные фразы, тосты, гид расписывает какие-то достопримечательности, короткие замечания Робинзона, гул отеля.

Пятница. Добрый день, хозяин. Ты хорошо спал? Глядя на тебя – не скажешь – лицо какое-то усталое.

Робинзон. Ну да. Я плохо спал после последней поездки.

Пятница. А в те времена, помнится, ты спал в хижине как убитый, не хуже меня, и однажды сказал, что никогда не видишь сны.

Робинзон. Да. верно... Почти никогда не видел. Вокруг

был такой покой...

Пятница. Но одиночество тебя угнетало, хозяин. Ты мне сказал тогда, что мое появление спасло тебя от тоски...

Робинзон. Да, куда как тяжело было одному на острове, Пятница Я никак не мог смириться со своей участью, однако, начинаю думать, что существует другой вид одиночества и много хуже, чем то, что я испытал здесь в первый раз... Дай мне немного кофе, Пятница. Знаешь, вчера вечером меня повезли смотреть небоскреб.

Пятница. Ты ездил с Норой, хозяин?

Робинзон. Нет, с инженером-строителем. Он сказал, что это здание по своим архитектурным и техническим качествам не имеет себе равных. Я готов поверить, но похоже, оно ничем не отличается от небоскребов Лондона, такое же, как все современные здания. Люди входят и выходят, не сказав ни единого слова, точно чужие друг другу, а в лифтах или в коридорах едва здороваются...

Пятница. А ты ждал чего-то другого, хозяин? Сам же говоришь, что здесь так же, как в Лондоне и в Риме. Позволю себе сказать, что остров этот по-прежнему необитаемый.

Робинзон (*после паузы*). Остров по-прежнему необитаемый... Возможно, ты прав. Мой остров по-прежнему пустынный, еще более необитаемый, чем в те времена, когда волны выбросили меня на его берег...

Пятница. Такое трудно себе представить, Хозяин. Банан сказал, что на острове более двух с половиной миллионов че-

ловек и правительство уже подумывает о контроле над рождаемостью.

Робинзон (*с иронией*). Само собой, все кончается этим. Единственное решение, на которое способны правители. А меж тем два с половиной миллиона мужчин и женщин живут, не зная друг друга, да и семьи, точно такие же острова. Здесь все, как в Лондоне, что и говорить... (*Пауза.*) Не знаю, наверно, тут могло быть по-другому?

Пятница. Отчего, хозяин? Отчего здесь, а не в Лондоне или в Риме?

Робинзон. Не знаю, Пятница. Я решил вернуться сюда, вопреки всему, что мне говорили. Надеялся на что-то. Теперь-то ясно, какой я – глупец, думал, что здесь, на месте моего бывшего одиночества, все может быть устроено иначе, что здесь чудесным образом люди объединятся, будут веселыми, будут доверять друг другу, делать что-то сообща... Я надеялся, что моя книга послужит чему-то, покажет людям, как ужасно одиночество и как прекрасно общение, содружество... Ты же знаешь что этой книгой зачитывались почти так же, как «Дон Кихотом» и «Тремя мушкетерами». У меня были основания строить какие-то иллюзии, но как видишь...

Стук в дверь.

Голос служащего отеля. Сеньор Крузо, вас ожидает внизу госпожа Лейтон.

Робинзон. Нора! (*Пауза.*) Скажите ей, что я сейчас же спущусь вниз. (*Пауза.*) Дай мне серый костюм, Пятница. Синий

галстук. Живей, милый! Посмотри, начищены ли мои черные ботинки.

Пятница (*со смешком*). Да, хозяин.

Тихая музыка в холле. Звяканье льда в бокалах.

Нора. Это совершенно неофициальный визит, Робинзон. И у меня всего пятнадцать минут, потому что мое время, полагаю, как и ваше, строго расписано.

Робинзон. У меня нет слов для благодарности, Нора. Как вы и подозревали...

Нора. Подозревала?

Робинзон. Да, именно, я совсем не того ждал от своего приезда на Хуан-Фернандес.

Нора. Вы здесь временно в качестве гостя, а мне тут жить.

Робинзон. Так почему вы с этим миритесь? Почему мы оба, почему мы все принимаем это?

Нора. Не знаю, да и начнем с того, что я не знаю толком, с чем мы, собственно, миримся. Хуан-Фернандес – чудесный остров и наш народ, вы это видели... ну отчасти видели... замечательный народ. А климат...

Робинзон. Умоляю, не разговаривайте со мной, как супруга заместителя начальника полиции. Я знаю, почему вы оказали мне такую любезность и пришли сюда поговорить со мной. Вы пришли не только из сочувствия, заметив, что я расстроен, разочарован, но и потому, что сами испытываете это разочарование.

Нора (*после паузы*). Это верно, но ничего нельзя сделать,

нельзя изменить.

Робинзон. Да, боюсь, что для нас, для таких людей как я и вы, уже поздно. Однако есть совсем другие, и они... Нора. Другие?

Робинзон. Не смейтесь, но я думал о моем слуге, Пятнице, о его новом друге – Банане, о тех людях, которых, как мы полагаем, можно воспитывать, держать под властью. Я думал о них, о наших приемных детях, которым мы привили, если можно так выразиться, западную культуру.

Нора (*официальным тоном*). О нет! Эти люди мыслят и чувствуют иначе. У них совсем иные взгляды и заботы, им нас никогда не понять.

Робинзон. Или, наоборот, нам – их. Не знаю, не знаю. Я уже не в состоянии разобраться во всем этом, после того как вернулся на мой остров. Раньше мне все было ясно, Нора. Все для меня было просто. Вы читали мою книгу, правда? Ведь там на каждой странице можно найти слова благодарности Божьему Промыслу, мудрому порядку, который создал Великий Часовщик ⁴, безупречной логике существования живых существ и вещей.

Нора. А мне больше всего понравилась глава, в которой вы спасаете жизнь Пятнице, и постепенно, ценой больших усилий, подымаете этого дикого каннибала до уровня цивили-

⁴ Великий Часовщик – символический образ, появившийся в эпоху Просвещения в деизме, религиозно-философском учении, согласно которому Бог, сотворив мир, не вмешивается в закономерное течение. «Робинзон Крузо» – одна из главных книг этой эпохи.

лизованного человека.

Робинзон. Еще неделю назад мне тоже очень нравилась эта глава, Нора.

Нора (*удивленно*). А почему вдруг вы изменили свое мнение?

Робинзон. Потому что именно здесь я увидел, что все обернулось совсем по-другому. Вы вот говорите, что я вызволил Пятницу из тьмы каннибализма и поднял его до высот цивилизованного человека, то есть, христианина, а я уже целую неделю более всего ценю в Пятнице как раз то, что в нем еще осталось от каннибала... О, не пугайтесь, я имею ввиду его мироощущение, этакое нутряное дикарство.

Нора. Но это ужасно так думать!

Робинзон. Нет! Ужаснее задуматься над тем, кто есть мы: вы и я, вы – супруга заместителя начальника полиции и я – непрошенный гость Хуан-Фернандеса. С той минуты, как мы прибыли сюда, Пятница показывает мне то так, то эдак, что он может не подчиняться здешним порядкам, а я – нет. Я почти уверен, что сейчас, пока мы беседуем, к сожалению, как бы наспех, хотя у нас одни и те же причины для разочарования и грусти, мой Пятница со своим дружкой Бананом весело проводят время на улице, ухаживают за девушками и берут от так называемого прогресса лишь то, что им интересно – ну скажем, магнитофон, баночное пиво и телевизионные шоу.

Веселая разноголосица и музыка большого народного гу-

лянья.

Нора. Выходит, что у вашей книги совсем иной конец?

Робинзон. Да, Нора, совсем иной!

Нора. И получается, что этот верный и благодарный вам Пятница, которого вы обучили, как надо одеваться, пользоваться столовыми приборами, говорить по-английски, этот самый Пятница и должен был спасти вас, Робинзона Крузо, от одиночества. И Робинзона и, разумеется, меня, меня и всех, кто сейчас собрался в холле отеля, чтобы пить без особой охоты и видеть тоску в глазах друг друга.

Робинзон. Не знаю, Нора, мы не имеем права слишком преувеличивать... Я, как человек цивилизованный, не могу допустить и мысли, что такие люди, как Пятница и Банан могут сделать что-то ради моего блага, разве что служить мне... Однако...

Нора. Однако, мы вот сейчас глядим друг на друга с какой-то ностальгией в глазах. Я думаю, что мы будем так смотреть на любом острове планеты. (*Резко.*) Мне пора, мой муж ждет моего доклада.

Робинзон (*горько*). О нашем разговоре, Нора? Нора. О, нет! Такой разговор люди ведут с незапамятных времен и он не представляет ни малейшего интереса для моего мужа. А мой доклад, он на горячую тему – аборт и самоубийства на острове Хуан Фернандес. До свидания, Робинзон.

Робинзон (*после паузы*). И я так и не смогу погулять с вами по улицам этого города, Нора?!

Нора. Боюсь, нет, и это – жаль! Ну а вы привыкайте ездить в машинах с закрытыми окнами, видно вполне хорошо. Я уже почти привыкла. Для меня Хуан Фернандес – это, если хотите, какая-то вереница образов в рамках окна моей машины или просмотр слайдов. Прощайте, Робинзон!

Лейтмотив. Звяканье льда в бокале. Далекий шум города. Музыка народного гулянья. Радостные возгласы людей. Постепенно нарастает шум машин и гул аэропорта.

Громкоговоритель. Пассажиров, вылетающих в Лондон, просят пройти в коридор с красными указателями и предъявить свои документы в окошках, соответственно их инициалам. Пассажиры, летящие в Вашингтон, пройдите...

Пятница (*его звонкий и радостный голос заглушает громкоговоритель*). Ты прав, хозяин (*Смешок.*) Организация – лучше нельзя, посмотри, как все продумано: красные стрелки непременно приведут нас к окошечкам, сейчас ты подойдешь к окну, где буква «К», а я – к букве «П». Да мы встретимся, хозяин, только не делай, пожалуйста, такое грустное лицо, ты же сам расхваливал до небес этот аэропорт.

Робинзон. Я рад, что мы возвращаемся в Англию, Пятница. Рад, что уезжаю отсюда. Это уже не мой остров. Да и похоже, никогда не был моим, потому что тогда я не понял, что... Это все трудно объяснить словами, Пятница. Я ведь не понимал, что, по моей милости, делается с тобой...

Пятница. Со мной, хозяин? Но ты же творил чудеса, вспомни, как ты сшил мне штаны, чтобы я не ходил голым,

как обучил меня первым английским словом, слову «Хозяин» (*смешок*), словам – «да» и «нет», слову «Бог», обо всем этом так хорошо написано в книге...

Робинзон. Ну что ты! Все это я обязан был сделать, чтобы вырвать тебя из этой дикости. И я ни в чем не раскаиваюсь. Но я не мог понять, как это ты, ну, скажем, молодой карибец, встретившись с одряхлевшим европейцем...

Пятница (*со смехом*). Разве ты был «дряхлый», хозяин?

Робинзон. Я говорю не о моем теле, а о моей истории, Пятница, и тут я совершил ошибку, пытаюсь вовлечь тебя в ход нашей истории, истории нашей великой Европы, и, разумеется, истории Альбиона и т. д. (*Иронически смеется.*) И до сей поры – это самое ужасное! – мне казалось, что все – прекрасно, что ты полностью принял наш образ жизни, но стоило нам явиться сюда, у тебя вдруг начался этот нервный тик... По крайней мере, ты называешь его так...

Пятница. Может, это у меня пройдет, хозяин. (*Смешок.*)

Робинзон. А я чувствую, что нет, что уже не пройдет никогда. Но любопытно, что этот тик начался, едва мы прибыли на остров Хуан-Фернандес, когда ты сразу резко изменился, встретился с Бананом и...

Пятница. Верно, Робинзон. Много изменилось с того момента. И это еще пустяки в сравнении с грядущими переменами.

Робинзон. А кто, собственно, дал тебе право называть меня по имени? И о каких это переменах ты говоришь?

Лейтмотив смешивается с веселой праздничной музыкой и голосами из громкоговорителя в аэропорту, все это длится какое-то мгновение.

Пятница (*серьезным, независимым тоном*). – А как ты думаешь, Робинзон, почему остров называется Хуан-Фернандес?

Робинзон. Ну, это случай, потому что однажды мореплаватель с таким именем в... это был год...

Пятница. А тебе не пришло в голову, что остров получил название по другой причине? А может – в этом названии вообще нет ничего случайного, Робинзон?

Робинзон. По правде говоря, я не вижу смысла в...

Пятница. А вот я – вижу. И думаю, это название может объяснить твоё состояние.

Робинзон. Может объяснить?

Пятница. Да, подумай немного. Хуан – самое распространенное имя, Фернандес – самая обычная фамилия. Хуан Фернандес – самое привычное сочетание, какое можно встретить в испанском языке. Ну как Джон Смит в твоей стране, или как Жак Дюпон во Франции и Ганс Шмидт в Германии. В этом сочетании как бы нет ничего особого, индивидуального, им означено нечто множественное, допустим – толпа, народ, «*уогно cualunque*»⁵, Jedermann⁶...

Гул народного гулянья, праздничной толпы.

⁵ (*ит.*) – каждый, любой человек.

⁶ (*нем.*) – каждый, любой человек.

Робинзон. Да, пожалуй, это так, но...

Пятница. И это вполне объясняет то, что с тобой творится, бедный Робинзон Крузо. Надо же было приехать снова на этот остров со мной, чтобы обнаружить, что среди миллионов мужчин и женщин ты так же одинок, как и тогда, когда тебя выбросило на берег. И тут тебе, наконец, открылась причина твоего одиночества.

Робинзон. Н-да, я это понял, пока беседовал с Норой в отеле, что-то вдруг заставило меня подумать о том, каким ты был в тот день, когда я спас тебя – совершенно голый, невежественный, да и к тому же – каннибал, но при этом – такой молодой, такой новый, без пятен истории. Ты был куда ближе меня к звездам, воздуху, к людям...

Пятница. Не забывай, Робинзон, что мы ели друг друга.

Робинзон (*сурово*). Пусть так! Но все равно вы были ближе друг к другу. Есть немало видов каннибализма, теперь-то я это очень понимаю.

Пятница (*ласково*). Ну и ну, Робинзон! Понять все это лишь под конец жизни, да еще на своем бывшем острове! Вот теперь ты понял, что потерял способность общения с Хуаном Фернандесом, с Гансом Шмидтом, с Джоном Смитом...

Робинзон (*патетически*). Пятница, ты свидетель, я хотел выйти на улицу, затеряться в толпе людей, которые...

Пятница. Тебе мало бы что дало знакомство с такими людьми, как Банан и его приятели, они бы вежливо улыбались и на этом – все. У властей были свои причины изолиро-

вать тебя, однако они зря так старались, ты прекрасно знаешь это сам.

Робинзон (*медленно и с горечью*). Зачем надо было снова приезжать на этот остров, где я был одинок совсем по-другому? Стоило ли возвращаться, если здесь я еще острее ощутил свое одиночество, чем тогда, и вдобавок выслушивал от моего слуги, что повинен во всем я сам?

Пятница. Твой слуга – ни при чем, Робинзон! Ты сам чувствуешь себя виноватым.

Громкоговоритель. Внимание, начинается посадка пассажиров на самолет, вылетающий в Лондон. Просим предъявлять справку о прививках...

Робинзон. Знаешь, мне вдруг захотелось остаться. Быть может...

Пятница. Боюсь, это слишком поздно для тебя. На острове Хуан-Фернандес нет места ни для тебя, ни для таких, как ты, бедный Робинзон Крузо, бедный Александр Селькирк, бедный Даниэль Дефо, нет места потерпевшим кораблекрушение на волнах истории, хозяевам пепла и дыма, наследникам пустоты.

Робинзон. А ты, Пятница?

Пятница. Мое настоящее имя вовсе не Пятница, хоть ты никогда и не озаботился спросить это. Пусть бы лучше меня звали Хуан Фернандес, как миллионы и миллионы островитян, которые сразу узнают друг друга, как мы с Бананом, и уже идут по жизни общей дорогой.

Робинзон. Но куда, Пятница?

Пятница. Пока не ясно – куда, Робинзон. Ничего еще не ясно, поверь, ну скажем, к большому материку, хотят навсегда покинуть острова Робинзонов, эти одинокие осколки твоего мира. Что до нас двоих (*со смехом*), мы полетим в Лондон на этом самолете, посадка заканчивается и самолет не будет нас ждать. (*Смеется.*) Скорее, скорее! Самолеты не ждут, Робинзон, самолеты никогда не ждут!